

Борис
Соколов

Нечаянные откровения

А
Л
Е
Т
Е
Й
Я

Борис Иванович Соколов
Нечаянные откровения
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868194

Нечаянные откровения:

ISBN 978-5-907189-11-9

Аннотация

«Во многой мудрости много печали» – на века оставил человечеству своё изречение царь Соломон. Куда проще – жить не задумываясь. Однако в наше время это невозможно. И даже опасно. Об этом книга.

Содержание

Нечаянные откровения	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Соколов Б. И.

Нечаянные откровения

Нечаянные откровения

20.04.2017

По сути, что же это такое – мои душевные излияния? Зачем я всё это пишу, с кем разговариваю – с самим собой? Известное дело, что это значит, когда человек начинает сам с собой разговаривать... Но, если это не сумасшествие, тогда – что? Одиночество?

Безусловно: разговор с самим собой – это некий знак одиночества. И как это может быть, когда тебя окружают близкие и ты от них не получаешь ничего кроме добра? Но что делать – владеет мной неистребимое желание довериться бумаге то, что приковывает внимание, что тревожит в нашей взмученной, как невыбродившее вино, жизни. По всему видать, у меня нет выхода: ведь то, что я вижу, – за меня никто не напишет.

Ах, история эта стара как мир. Если перефразировать изречение царя Соломона, то можно сказать так: в перегруженной мыслью голове рождается много печали.

Скоро уж исполнится две тысячи лет с того дня, когда сня-

ли с креста того, кто за всех нас претерпел муки. Не по себе становится, как подумаешь, каков наш мир, какие теперь мы, человечество...

Как хочется верить, что надежда умирает последней. Но, чтоб не умерла она, необходимо искать выход. И прежде всего понять, в чём состоит угроза существу.

24.04

Бывают всё же и нечаянные радости.

В установившихся и, казалось бы, привычных буднях случаются вещи невообразимые – просто сказачные, которые разве что можно было бы увидеть в необычном сновидении.

Появилось у нас – у пожилой супружеской пары – настоящее сокровище: очаровательное существо – рыжий котёнок. Весь он, от головы до кончика хвоста, просто светится этакой золотистого цвета шерстью и превосходно разрисован светлокоричневыми полосами; усы – белоснежные, нос – нежно-розовый, а глаза – просто-напросто два прозрачных, светлых янтаря.

И мне, за свою жизнь сподобившемуся повидать немало представителей кошачьей породы, теперь повезло следить за этим живым чудом с восхищённым изумлением. Впору протереть глаза, наблюдая за его проделками.

Было Рыжику всего два-три месяца, когда он, не считая возни со всевозможными кошачьими игрушками, занялся ещё таким делом: с нетерпением дождавшись момента, когда ему кинут шарик из скомканной салфетки, прихватывает

его зубами, уносит к балконной двери (причём несёт весьма деловито и ужасно потешно) и там принимается засовывать под ковёр и, если не сразу получается, задирает край ковра, потом складывает его пополам – а то и сам заворачивается в него и перекачивается по полу...

Сегодня ему уже почти восемь месяцев.

С самого утра (которое начинается у нас около шести часов) он уже у кормушки и, сразу после приёма пищи, – требовательное «мяу»: найдите мне закатившуюся под диван любимую игрушку – небольшой пластмассовый колпачок от какой-то косметики. А дальше происходит то, чего я не видал никогда в жизни.

Отысканный и брошенный скакать по полу предмет стремительными прыжками настигается – и Рыжик... берёт его – совершенно пособачьи! – в зубы, приносит к тому, кто на этот раз с ним играет, кладет к ногам и ждёт продолжения! И всё это может повторяться бессчётное число раз.

Для меня загадка: откуда он взял такое? Уж не подсмотрел ли однажды, как это делает собака?

Дарит он нам и другие забавные моменты своей молодой кошачьей жизни.

Поутру «здоровается» так: принимая вертикальное положение, тычется мокрым носом в ладонь, трётся головой о руку.

На балконе, заметив снаружи что-нибудь привлёкшее его внимание, делает то, чего опять-таки видеть раньше не при-

ходилось: становится... в позу суслика, то есть сидит на задних лапах, а передние висят вдоль живота – так он вглядывается во что-то.

Из-за угла появляется навстречу в нашем коридоре, неся в зубах чёрного плюшевого кота, который ненамного меньше его самого (до этого он стащил его с дивана). Стоит отбросить игрушку подальше – несётся следом, хватая кота и начинает кататься с ним в обнимку по полу.

Прохожу мимо него, сидящего на полу... Рыжик выбрасывает лапу, цепляясь когтем за штанину и какое-то время удерживает: мол, что же ты? не проходи мимо! А если, проходя, наклонишься и протянешь руку к нему – делает следующее: почему-то поворачивая голову набок, опускает её, будто собираясь положить её щекой на пол; иногда и ложится на бок, приглашая поиграть с ним, захватывает руку гладкими лапками (когти при этом непременно убраны, чтобы не причинить вреда).

Очень любит хозяйку. Подбегает к дивану, на котором она сидит, прыгает к ней на колени, распластывается на груди, жамкая передними лапами кофту у самого ворота, – и тянет свой розовый нос к её лицу.

26.04

Известно, что какой-нибудь клоун запросто может вызвать хохот у публики – на то он и клоун. Но есть человеки, способные, не догадываясь о том, просто-напросто отдать себя на посмешище. Случается это и тогда, когда поте-

ря какой-нибудь серьёзной должности может так повлиять на психику её обладателя, что он вполне может и умом тронуться.

Телевидение обнародовало, что бывший мэр (!) Москвы Гавриил Попов zelo очаровался Тибетом, съездил туда раз, съездил другой – и (как в своё время на Жанну д'Арк) снизошло на него видение... Нетнет, явился ему не Христос и не Будда! Увиделся он и даже с гордостью пообщался, поговорил с духом... генерала Власова!

Уж не потому ли что тот в своё время тоже чего-то лишился?

Этот человек, в критический момент решивший, что за немцами стоит сила, которую переломить невозможно, и из трусости – вдвойне позорной для генерала! – бросивший свою армию, оставив её без командования, вступил на путь предательства. А эта штука коварная – вроде заразной болезни, от которой не излечивются. Служил-служил новым хозяевам – а припекло, пытался предать и их. Итог был закономерен.

Но для свихнувшегося «тибетца» трус и предатель – истинный герой!

27.04

Что происходит с нашей интеллигенцией – даже с выдающимися её представителями?

Весьма, можно сказать, авторитетная личность, немало сделавшая добрых дел на ниве культуры (и редактор газеты с

тем же названием) – Ямпольская... Эта замечательная женщина – не только очаровательная, но ещё и умная, образованная – вдруг отчего-то сбивается на странные для неё речи, уподобляясь тем, кто ужасно боится, чтоб их, не дай Бог, не упрекнули в ретроградстве, в консерватизме... то есть начинает походить на тех, которые непременно *хочут себя показать* истовыми либералами.

Вот что она поведала на шоу у Соловьёва (привожу по памяти с сохранением смысла):

– Если придёт, например, режиссёр и скажет: хочу снять патриотический фильм. Что это значит? Его надо гнать в шею.

Это почему же? Вон ведь толпой бегут прохиндеи с ненасытным зудом снимать кино непатриотическое, с ушатом грязи, выливаемой на собственную страну... Их не только никто не «гонит в шею», хотя как раз иногда следовало бы, – напротив: это самое государство, которое они хают, даёт им деньги на съёмки! Им почему-то всё можно – а другим почему-то нельзя?

29.04

Сложилось у меня устойчивое отрицательное отношение к нашим, выпекаемым как блины, современным сериалам, у создателей которых правит бал не преданность творчеству, как в былые времена, а нечто другое, с истинным творчеством мало связанное. Смотреть эти поделки нет никакого желания.

И вдруг... в теленовостях появился короткий благожелательный отзыв министра Лаврова о сериале «Оптимисты»: мол, показанная в этом кино жизнь дипломатов заинтересует молодёжь и подвигнет её пополнять их ряды. (Забегая вперёд, скажу, что министр наш, похвалив сериал, совершил ошибку, скорее всего, по незнанию – что вполне объяснимо: ему, человеку чрезвычайно занятому своим делом, должно быть, удалось мельком посмотреть рекламные ролики и какой-нибудь отрывок. Этого мало для справедливой оценки.)

Я удивился Лаврову. И решил взглянуть, чем именно она, наша молодёжь, заинтересуется. И начал смотреть.

С самого начала сплошняком пошли довольно неплохо снятые *клипы* – один за другим, без конца сменяемые. И в содержании сего кинодействия над всем преобладала одна, ярко выраженная, черта – *лёгкость в мыслях необыкновенная*. Она царила в сценарии, поспешно шитом белыми нитками, которые лезли в глаза, торчали повсюду – в сущности получилось этакое примитивно неряшливое собрание кое-как слепленных и, с точки зрения истории, довольно глупых выдумок. Был показан праздник *клипового сознания*.

Я был в оторопи. Как такое возможно? И откуда «растут ноги»? Кем написан столь одиозный сценарий?

Познакомился с откровениями главных создателей сериала, где они расписывали подробности рождения самой идеи и с гордостью признавались в том, что решили «снимать круто», беря пример с таких, по их мнению, шедевров как

«Крёстный отец» (!) (который для них – классика, чуть ли не икона).

А уж сценарий... Оказалось, для работы над ним собралась целая компашка ушибленных Голливудом: некий то ли редактор чего-то, то ли музыкант с... женой (?); ещё две какие-то тётки с неопределённым образованием плюс режиссёр про пионеров – и всё это, похоже, тёплая компания отвязанной молодёжи, для которой эти самые *шестидесятые* – просто небыль (которая, естественно, и рождает пустые небылицы), а страна со всякими её высокими учреждениями да и сам Хрущёв с присными – всё это предмет для не слишком умных анекдотов. Очередной, гнусный своим примитивизмом, стёб. Не более того.

И ведь под стать себе, своим меркам, своим нравам, своим понятиям о мире понавыдумывали они сюжетные ходы и многих киношных героев – таких, каких в принципе не было и быть не могло в шестидесятые.

Аллилуйя!

2.05

Подобно паводку, уносящему с берегов реки лежалый мусор, безжалостное время смывает бывшие когда-то яркими краски с достижений прежних песенных кумиров – сочинения их блёкнут, тускнеют, обнаруживается их несостоятельность.

Сегодня услышишь случайно в старом шлягере сочетание слов – «парк незабываемой культуры» да ещё не как-нибудь,

а с язвительной рифмой, то есть всё не так в этом парке, где даже сороки – и те «дуры». Услышишь ещё, что несчастные деревья «покраснели» от безобразий, творящихся в парке, – и вспомнишь с печалью: да, в те перестроечные времена славные барды друг перед другом торопились топтать всё подряд – вот и ни в чём не провинившийся московский парк попал под руку.

А сегодня из эпитета этого – незыблемая – как-то повыветрился яд сарказма, поскольку та культура-то, которая была, никуда не делась. И кличка к птицам почему-то не захотела приклеиваться – никакие не дуры, эти сороки. Да и деревья продолжают краснеть совсем по другой причине.

5.05

Случались в истории нашей моменты поразительные.

Михаил Лермонтов был убит на дуэли совсем молодым, когда гений его находился в самом расцвете. И нам теперь никогда не узнать, какого богатства лишилась наша культура с его гибелью.

Фортуна подарила нам и случай противоположный.

Шестнадцатилетний боец красноармейского отряда Михаил Шолохов вместе с другими попал в плен к махновцам. Пленников ожидал расстрел. Снизойдя к юным летам подростка, батька пожалел его, помиловал, оставил жить. И тут уж нам совершенно ясно, *что* бы мы потеряли, не случись этого. Можно себе представить на минуту... а что если бы у батьки тогда было плохое настроение?

Очередная экранизация: «Тихий Дон» Урсуляка. Посмотрев одну-другую серию, хотел уж было остановиться – нельзя сказать, что удачен выбор исполнителей главных ролей. Но какая сочная фактура и местами снято очень сильно. Речь казацкая, с детства мне знакомая, воссоздана бережно, очень похоже – огрехов мало. Что до остального...

Шолохов писал правду о жизни казацкой, которую он хорошо знал (эту правду в своё время довольно близко воссоздал Герасимов). Хорошо знал обычаи, нравы казаков и казачек и показал их без примеси позднейших так называемых исследований, на которых – неизбежно! – ложится ответ новейших времён. И вот черты этих самых новейших времён пытаются наложить на ушедшее торопливые создатели новых сериалов: подмешивают некие «достижения» – уже современной – психологии. И всё это вроде убедительно – с помощью современной техники и замечательной игры актёров...

Хочется возразить киношникам: ребята, вы же – другие, нельзя бесцеремонно вносить свои понятия в отношения людей столетней давности – да ещё малоизвестного вам сословия. И никакое это не «новое прочтение» – это просто насилие.

Не поленился заглянуть в книгу, полистал.

Всё в романе: и широкие картины жизни, и язык – живой, цветастый, пахучий поток, временами порожистый, неров-

ный, порой даже не совсем управляемый (что вполне понятно: писал-то это человек молодой, ещё не обретший как следует власти над своим роскошным даром) – но какая же это ядрёная проза, какая мощь – до несдержанности – чуть ли не в каждом эпизоде! И перед несокрушимой мощью этого потока – какими слабыми, бледными, немощными выглядят, например, все эти «петербурги», «живаги» и подобные им химерические сочинения...

15.05

Есть на свете, казалось бы, очевидные вещи, не требующие высокоумных рассуждений, – по сути библейские истины, почему-то никак не доходящие до современных мудрецов. Человек оставался человеком только тогда, когда для него в том или ином виде присутствовал некий элемент *сдерживания* его инстинктов. Это отражалось в искусстве. И это напрямую было связано с воспитанием и обучением подрастающего поколения.

Теперь мы хорошо видим, что всё это было в советском прошлом, которое оставило нам немало прекрасных образцов в образовании, воспитании, в творчестве (например, в кино, в литературе). Об опасности полной – *несдержанной* – свободы, особенно губительной для юных, – когда будет «всё дозволено» – предупреждал ещё Достоевский. Находиться в подобном состоянии – всё равно что гнать по горной дороге в авто с отказавшими тормозами.

Казалось бы, мысль эта вполне уже банальна и многими

высказывалась не однажды. Вот и маститый критик Игорь Золотусский, рассуждая о природе творчества, в записной книжке заметил: «сладострастное погружение в стихию отрицания разрушительно». Разрушительно, я бы добавил, не только по отношению к творчеству, но и для самого творца. Однако существуют «творцы», которые этого не понимают.

Существуют у нас киношники, которые – и в самом деле *сладострастно!* – многоцветный мир народной жизни обильно мажут чёрной краской, демонстрируя своё отношение к «этому народу» как к быдлу (при этом себя они к быдлу не относят, хотя и сами вышли из того же народа). И, надо сказать, гонят чернуху с подлой мыслишкой потрафить Западу, встречающему прохиндеев с распостёртыми объятьями и раздающему такие поощрительные награды. И этому безобразию не видно никакого противодействия!

Идёт время – а подражательная Западу вакханалия не прекращается. Ещё лет пять назад обозреватель «Литературной газеты» Александр Кондрашов в конце профессионально-безупречного разбора «творчества» кинорежиссёра Звягинцева подвёл убийственный итог:

«Желание угодить убивает божий дар. И кому угождают? Европа уже не та ядрёная красавица, в которую Пётр “прорубал окно”, сейчас там глубочайший цивилизационный кризис, старушка тяжело больна, бредит Апокалипсисом, молит об эвтаназии. А мы, задрав штаны, ухлёстываем за ней...»

Но этих здравых речей по-прежнему никто не слышит!

Даже там, где этого никак не ждёшь, то и дело попадаются признаки какого-то безумия.

«Арт Пикчерс Студия», «Энджой мувиз», «Нон-стоп продакшн», «Централ Партнершип». Эти названия – что это такое? О чём? Появились они в каких-таких пределах, в каких заграницах? Может, в туманном Альбионе? Или в Штатах?

Отнюдь. Вымудрены они в нашем отечестве, как говорится, на глазах всего честного народа, в своём историческом бытии вынянчившего великий наш язык мирового значения. Так кто же эти выродки, которые теперь им, великим, брезгует? Некие чужестранцы? Или это «творчество» нищих умом торговцев, которые *хочут образованность свою показать* в обезьянних рекламных вывесках?

О нет! Убогие, примитивные и по языку, и по смыслу клички подарены народу представителями... нашей культуры (!) – так называли свои крупные компании лидеры отечественного кинопроизводства...

Наше время печально знаменито повсеместным распространением человеческих пороков. По всей земле определённое число людей попадает в зависимость от алкоголя, наркотиков... Зло это очевидное и с ним пытаются бороться.

Но есть вещи, с которыми не борются – вещи неочевидные, тотально распространённые в победным маршем идущих

щем – теперь уже и в России – пресловутом обществе потребления: это проникающая повсюду, мозолящая глаза везде и всегда, наглая, назойливая и, как правило, тупая реклама. Зависимость от неё, пожалуй, похуже наркотической – потому что она незаметна. И она неотвратима и всесильна ещё и оттого, что за ней прячется всевластный золотой телец. И вот так ежедневно, вполне буднично, с несчастным *хомо сапиенсом* происходят чудовищные вещи.

Вот, скажем, смотрит подросток фильм о современных Ромео и Джульетте и вместе с героями переживает историю их любви, общается, как говорится, к высокому – и тут вдруг ему с довольно противной картинкой расскажут о... газах в кишечнике! Не спрашивайте потом у выросшего вашего ребёнка: в кого ты уродился? Со всем этим может вырасти человек оскотиневшийся, лишённый нормальных человеческих чувств вплоть до полной атрофии каких бы то ни было эмоций.

Все сферы поражены грязным неистребимым вмешательством.

Вот идут теледебаты, обсуждаются острые вопросы, поднимаются проблемы немаловажные для всей нашей жизни... И только на один предмет наложено табу, только одного его никто не имеет права касаться. Напротив: это он здесь командует голосами ведущих: «А теперь прервёмся на рекламу!» С наглым верховодством всесильного монстра поневоле смирились все – и телеведущие, и даже высокого полёта

участники. И становится предельно ясно, что все эти умные разговоры оказываются в подчинении, в зависимости от рекламы, то есть по сути *дешевле*.

Не избежала подчинения и культура – даже её великие образцы.

Идут по ящику анонсы о новом фильме, посвящённом нашему балету, славному на весь мир своими высокими достижениями... Всего-навсего уже одно слово – «Большой» – сразу притягивает внимание. Так чем же ещё привлечь зрителя? Зуд опустить великое, подмешать ложку дёгтя не даёт покоя. Весьма талантливо – хорошо поработали над этим киношники да ещё тут же разбежались вставить это в рекламу – со страстной злобой орёт юная воспитанница своей п о ж и л о й наставнице: «Ненавижу т е б я ! Хочу, чтоб ты сдохла!»

Аллилуйя!

23.05

Что творится – на протяжении уже многих лет! – в нашей культуре...

Некоей «творческой» личности (театральному режиссёру) – с явным синдромом маниакального психоза на сексуальной почве – почему-то позволено вытряхивать на головы несчастных зрителей свои бредовые комплексы. Когда думаешь о подобных экземплярах человеческой породы, ушибленных Фрейдом, тут же вспоминаешь блестящую формулу превосходного эмигрантского юмориста Дона Аминадо: «С тех пор как свиньи узнали про Фрейда, они всякое свинство

объясняют комплексом.»

Но почему-то в этом довольно ясном деле не помогают ни здравый смысл ни по сей день существующие законы. В известных случаях за растление отдельной личности полагается статья в уголовном кодексе. А тут человек, по которому плачет клиника, совершенно безнаказанно пытается растлить множество людей, пришедших в театр отдохнуть, отрешиться от будней, приобщиться к искусству? И ему это сходит с рук?!

Уже давно повсюду слышно об этой одиозной фигуре – Серебренникове. И что же?

Ну разве что довольно интеллигентно, хоть и с ссылками на науку (психиатрию), пожурят его, как это сделала «Литературная газета» (№19, 2017, «Размышления у театрального подъезда», *Елена Иоос, Павел Соловьёв*). Авторы там толерантно пишут, что, мол, нелегко «определить ту тонкую грань, за которой кончается художник и начинается патология».

Полноте, уважаемые! Вами же самими отмечено:

«Весь спектакль разнокалиберные интимные места будут трепыхаться на сцене... забрызгать кефирной спермой или символическими нечистотами... фаллические метафоры... сквернословие, анальный эротизм... режиссёр сознательно вместо сердца зрителя целит в его ширинку».

Всего этого мало для определённых выводов?!

Но вместо этого авторы мягко пеняют этой явно неадек-

ватной персоне и ей подобным: «хочется верить, что инфантильные личности наших новаторов всё-таки повзрослеют».

Увы, поздно им взрослеть. Им лечиться надо! А нам всем лечиться от глупой, пораженческой толерантности.

24.05

Потрясающее, однако, в России телевидение (однажды Медведев не постеснялся назвать его... лучшим в мире!).

Здесь пригласят к экрану человека, пережившего несчастье, – и целый сонм приглашённых персонажей во главе с ведущим будет, как говорится, на глазах всего народа лезть ему в душу, порой всячески унижать несчастного и даже, можно сказать, топтать. Чтобы в конце концов в финале... пожелать ему счастья.

Если присутствие в таких шоу представителей прекрасной половины человечества хоть как-то объяснимо, поскольку женщины – мастера по выяснению отношений, им это свойственно, то участие в подобном базаре многих мужиков (!) – людей уважаемых, ответственных и даже важных лиц, которые величают друг друга *господами*, выглядит попросту смехотворно.

И никому – ни сильно уважающим себя довольно важным лицам, ни корчащим из себя звёзд гламурным дивам, которые даже умудряются что-то проверещать о морали, – никому не придёт в голову простая мысль, что всё это неприлично и даже просто позорно.

Но поразительно: как же сами-то жертвы телепоказа со-

глашаются на такой позорный – да ещё фактически всенародный! – душевный стриптиз?

Подобные передачи – будто лакмусовая бумажка, воочию показывающая состояние всего нашего общества...

29.05

Как хочется надеяться, что ещё не упущено время и не исчезла возможность принять решительные меры по восстановлению достойного уровня образования, которым славилась Россия. При существующем положении всё идёт к тому, что мир наш может возвратиться на круги своя – в далёкое прошлое: грамотных людей станет совсем немного, как летописцев-монахов в старину. А сам язык сделается таким новоязом, неким жаргоном, состоящим из чудовищной смеси бездумно нахватавшихся отовсюду слов.

Нынче даже высокоумные критики, подвизающиеся на ниве культуры, непременно *образованность свою хотят показать*. С таким зудящим желанием высказаться красиво, по-иностранному, попугайски схватывая и употребляя забугорные словечки, они порой рожают поистине смехотворную чепуху. Как вот это, например, «изобретение», попавшее мне в критической заметке о съёмке какого-то фильма: «некомфортный метод экранного нарратива» (чья это речь? что за птичий язык? ни одного русского слова!).

1.06

В своих записках я уже касался разрушительной роли ин-

теллигенции в судьбе Российской империи. Тема эта болезненная. Попытка найти истину, проникнуть в глубину тогдашних событий, оставляет всё-таки нерешённым вопрос: «Почему же случилось то, что случилось?»

Для меня это оставалось загадкой, над которой я ломал голову.

И вдруг... в «Литературной газете» (№20, 2017) появилась блестящая, аргументированная статья Виталия Третьякова «Эпитафия на могиле российской интеллигенции». Тут уж мне был подарен случай встретить единомышленника.

Автор не отказал себе в удовольствии оставить на страницах газеты такие отдельные афористические пассажи, вскрывающие самую подноготную – психологию – этого рождённого в России сословия.

Вот предельно краткая – не в бровь, а в глаз – предложенная им характеристика.

О народниках (шестидесятые годы XIX-го века): «интеллигенция любит народ и себя»; затем о социал-демократах: «потом – себя и народ»; о разного толка либеральной интеллигенции накануне революции: «потом – только себя»; и, наконец, о нынешних либералах: «она начинает восхищаться собой и ненавидеть народ».

Ещё пассажи:

– «Интеллигент сомневается во всём, кроме того, что он интеллигент»;

– «Российская интеллигенция всегда клеймит власть, но

всегда обижаются, если власть не сажает её за стол с собой».

К этому я бы добавил, что в современной России некоторые писатели – из адептов постмодернизма – очень уж подходят под определения Третьякова.

Один из них, очень известный и к преклонному возрасту так и не изживший исключительную любовь к себе – любовь до такой степени, что он уже совершенно неспособен её заметить, – в интервью выдал на гора такие откровения: «Людей вообще нет; есть лишь сто человек, зато они настоящие. Собственно, больше ста и не надо.»

То есть вся страна, все другие люди – так, некий материал для измышлений настоящих, к которым, без сомнения, причисляет себя он, небожитель, Андрей Битов.

Забавно, однако... Старина не чувствует, что в этой своей дутой избранности доехал он тут до социального расизма.

7.06

Экие чудеса случаются на нашей планете, ставшей уже маленькой для двуногого, который ещё недавно (по историческим меркам) разъезжал на телеге, а нынче может за считанные часы попасть в любую точку Земли. Вот и гуляет нынче ветер по планете, дуновением своим унося людишек, словно осенние листья.

Скажем, родились перед самой войной (Отечественной) два ребёнка в краю чернозёмном в Воронежской области – в соседних сёлах. Удалось им обоим уцелеть, пережить лихие времена и встретить старость... за океаном (!) – одному в

Штатах, другому в Канаде.

Одногодки: один из них – Геннадий Русаков, получивший поэтическое благословение от Арсения Тарковского и поощрённый Евгением Евтушенко, стал известным поэтом, сказавшим однажды:

Не нужно принимать себя всерьёз.
Мы тут, ей-богу, очень ненадолго.

Вот и в интервью он тоже обронил: «Все мы в этом мире гости и странники...»

Ну а другой – это я, прочитавший о нём в «Литературной газете» и узнавший в нём земляка: его Новогольское от моего родного села Алешки всего в каких-нибудь тридцати километрах друг от друга!

Увы, мне самому, увезенному с моей малой родины ещё в детстве, удавались лишь редкие посещения земли, на которой был рождён. И боль эта оставалась всегда со мной, жившим в городе на Неве. Вот и винился я перед ней, малой родиной, в лихие девяностые:

Прости, земля родная. Немотою
отмечен путь мой скорбный. И сюда
с больной душой, с котомкою простою
пути мне нет. Не отыскать следа.

И теперь мне вдруг пришло в голову, что нас с Геннадием

взлелеяли одна и та же земля, одна и та же речь, прославленная нашими великими земляками Чеховым, Буниным, Платоновым... И как отраднo встретить в моём одnogодке человека честного в самооценке, человека искреннего – с философским складом ума, человека, схожего со мной не только мироощущением, но даже в мелочах (например, в увлечении французским и занятиях стихотворными переводами с иностранных языков на русский).

10.06

Весёлые моменты преподносит жизнь в ходе движения за эмансипацию – в борьбе за достижение полного женского и мужского равноправия...

Будничный день в городе. Метро (надо отметить, что такое может быть в наши дни по всей земле – в любой стране, где оно есть). Входит в вагон девушка... нельзя даже сказать что в шортах. На ней натуральные трусики из тонкой ткани наподобие тех, в которых ложатся в постель. Вот так нечаянно, в метро едучи, вздремнёшь, очнёшься – и не сразу сообразишь, куда ты попал. На пляж? На танцы? И тут же оглядишься, одумаешься, погаснет удивление. Все давно уже к этому привыкли!

Однако.

Представим себе мужика в метро или в магазине в подобных трусах... Ау, феминистки! Куда же делось равноправие? Получается совсем по Оруэллу: тут кто-то почему-то становится равнее других? Почему?

А всё потому, что женская природа неотменима в стойком стремлении любым путём предъявлять миру свои прелести. И мужская природа неотменима – у всякого нормального мужика другие причуды. И тут уж, как киплингским Западу и Востоку – им, женскому и мужскому началам, не сойтись никогда.

15.06

Всё никак не избежится наша критика от глупой *толерансы*.

«Литературная газета» опубликовала заметку о постановке оперы Чайковского «Пиковая дама» (режиссёр Павел Сорокин) с таким вот подзаголовком: «Зачем вносить вульгарность в постановку классики?» Автор Людмила Лаврова пишет:

«С первыми звуками интродукции естественным было бы видеть, согласно либретто, “залитую весенним солнцем площадку в Летнем саду”, расхаживающих нянюшек, гувернанток и играющих детей, но что это?! Публичный дом! И все персонажи оперы мужского пола, кроме Германа, весьма откровенно развлекаются с девицами лёгкого поведения – кто на стуле, кто на полу, кто – зажав в углу! И вместо хора нянюшек, слова “Забавляйтесь, детки милые!” поют проститутки, одетые в гусарские костюмы!»

Продолжать цитирование не имеет смысла – и так всё ясно. Непонятно только одно: этот постановочный беспредел, в котором режиссёр сам поступил как проститутка, это

кошунственное издевательство над великой классикой есть всего-навсего «вульгарность»?! И этот откровенный призыв купаться в нечистотах ничего не значит?

26.06

Питерская газета «metro» поспешила обрадовать жителей славного города на Неве такой вот новостью: «В Царском Селе сожгли ведьм».

Не дай Бог человеку, проснувшись с бодуна, прочитать такое. С перепугу ужаснётся: куда я попал?

А дело-то обыкновенное: тупое обезьянничество с параноидальной оглядкой на Запад – на марше. Оказывается, «дизайнеры увлеклись готикой». Вот как об этом живописует газетка:

«Модельер Лилия Киселенко придумала инсталляцию на тему инквизиции. Казнь прошла на фоне павильона “Адмиралтейство”. Ведьмы и палачи в конце представления вместе сгорели на импровизированном костре.»

Эта самая готика сегодня явилась в Россию, в Царское Село?! Зачем? Почему?

Газетка обмолвилась: «дизайнерам дали тему». Интересно бы узнать – к т о дал?

28.06

Происходит этакое победное шествие идиотизма.

Начавшись не вчера, сегодня уже широко распространилась дурная мода давать имена родившимся детям непре-

менно по-иностранным. В угоду этой моде урезают даже давно существовавшие имена. Обезьянничество выглядит весьма комично, поскольку изобретения очень уж смахивают на собачьи клички: Стас, Влад, Алекс... Что за страсть скатываться к убожеству, как будто своих имён нам не хватает?

Вот и писатели даже в этом не отстают.

Один такой, с нормальной русской фамилией, изобрёл себе псевдоним: *Купер*. Очевидна, как ослиные уши торчащая, его зудящая оглядка на чего-нибудь забугорное. По всему видать, подошёл бы ему больше другой псевдоним, тоже короткий – *Кукши*.

Вот написал этот самый Купер книжицу под названием... *Saudad*. Взглянув на название, невольно думаешь: о каких там заморских делах идёт речь? А там... о русской деревне! И там – обыкновенный бред сивой кобылы да ещё с *Леди Чаттерлей* и... инопланетянами!

6.07

Как-то даже странно сознавать, что бывают на свете люди, ненавидящие страну, в которой они... родились. Ведь это всё равно что дети во всех страданиях, которые преподнесла им жизнь, винят... свою родную мать.

Ещё до революции, в 1913 году, Розанов писал о подобных экземплярах:

«Что же нам делать с этими детьми, проклявшими родную землю, – и проклинавшими её всё время, пока они жи-

ли в России, проклинаящими устно, проклинаящими печатно, звавшими её не “отечеством”, а “клоповником”, “чёрным позором” человечества, “тюрьмою” народов, её населяющих и ей подвластных?! Что вообще делать матери с сыном, вонзающим в грудь ей нож? Ибо таков смысл революции, хохотавшей в спину русским солдатам, убиваемым в Манджурии, хохотавшей над ледяной водой, покрывшей русские броненосцы при Цусиме, – хохочущей и хохотавшей над всем русским, – от Чернышевского и до сих пор, т. е. почти полвека...»

А вспоминая лихие девяностые, Галина Ореханова пишет (ЛГ №25, 2017): «17 марта 1993 года Владимир Лакшин опубликовал в “Независимой газете” статью “Россия и русские на своих похоронах”, в которой дал блистательную отповедь всем ненавистникам русского народа.

«К любви принудить нельзя, – писал Лакшин.– Но есть то, чего нельзя себе позволять: нельзя позволять вульгарной развязности, задевающей чужое достоинство. Рядом лежит разгадка того, почему с таким азартом и жёлчной иронией трактуется а иных статьях именно фигура Чехова... Им неуютно под его пристальным взглядом из-под пенсне. Да и за что в самом деле любить его: не за это же печальное пророчество:

“Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знала даже Испания во времена инквизиции. Вот вы

увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают своё дело.»»

Это и в самом деле так и не услышанное по-настоящему чеховское пророчество, которому больше века.

Почти четверть века прошло со времени, когда, призвав на помощь классика, опубликовал своё предупреждение Лакшин. Но из литературы, из театра, из кино не только не исчезли «жабы и крокодилы» – они прекрасно размножаются! И мало того, что не знают они никакого удержу – славное наше государство почему-то ещё и продолжает их... подкармливать!

13.07

С точки зрения чисто человеческой, Антон Чехов – это совершеннейший образец породы, я бы сказал, этакий эталон человека разумного. Станешь сравнивать его с некоторыми, пришедшими позднее, замечательными творческими личностями – становится грустно. Некоторые из них – яркие примеры гипертрофированного внимания к себе любимым, примеры какого-то, можно сказать, фатального отсутствия самоиронии по контрасту с наличием завышенной самооценки – если не сказать гордыни. Таковы, например, Пастернак, Ахматова, Цветаева...

Думаю, причина кроется в воспитании. Антон – продукт сурового трудового (по-крестьянски) воспитания в отличие от городского, интеллигентского (для Пастернака, Цветае-

вой).

Да, собственно, весь так называемый серебряный век – это в сущности творчество горожан, жителей двух столиц, возросших в невообразимой смеси достоинств и пороков городской цивилизации. Редкие исключения, вроде Есенина, лишь подчёркивают различия в истоках творчества.

25.07

Недаром Чехов получил серьёзное образование и навыки, направленные на лечение плоти человеческой. Но он поднялся и над этим, став истинным врачом души. В зрелом творчестве своём он действовал как хирург, удаляющий опасную хворь. А прекраснодушные народники не уставали клевать писателя за безыдейность, индифферентность к судьбе народа.

Когда стало известно, что Чехов уехал на Сахалин, с комфортом обитающие в столицах всякие там *буренины* и *ежовы* принялись всячески иронизировать над писателем, который, мол, «там вдохновения искал».

Успешные борзописцы ёрничали над тем Человеком, которому они не годились в подмётки, стираемые им в течение трёх месяцев на суровой сахалинской земле. Они ни на йоту не могли прочувствовать, понять хотя бы одну, совсем простую вещь: *что* пришлось пережить ему даже ещё до Сахалина – на долгом пути к острову по сибирскому тракту.

В период запаздывающей весны – где с заморозками, где со льдом и снегом, где с холодным дождём и разливами рек

– то на выходявших из строя тарантасах, то на лодках, пересекающих под шквалистым ветром водные преграды, – этот, можно сказать, отчаянный (потому что к тому же ещё и не совсем здоровый) авантюрист, недосыпая, не раз промокая с головы до ног, одолел по Сибири свыше четырёх тысяч километров, чтобы, наконец, дождавшись парохода, пересечь Татарский пролив.

Поездка через всю Сибирь оказалась тяжёлой несказанно, но этому упрямцу было всё нипочём: в выматывающей силы тряске по ужасным дорогам ехал и временами плыл на утлых посудинах весёлый человек., вопреки всему преодолевший тяжкие испытания, вынести которые и не всякому здоровому было под силу. Он был переполнен впечатлениями, делился ими в письме к домашним:

«Амур чрезвычайно интересный край. До чёртиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе (*тут, разумеется, имеется в виду европейская Россия – Б.С.*) и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дико, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить.»

(К слову сказать, этот приправленный юмором вывод почти совпадает с моими дальневосточными наблюдениями, имевшими место почти сто лет спустя).

Собственно, уже само это путешествие сродни подвигу, на который мало кто был способен из живших в те времена

да и позже. А уж если говорить о пребывании на самом Сахалине...

На остров прибыл в одном лице врач-профессионал, замечательный психолог, превосходный социолог и даже статистик!

Зачем?

Неуёмные, не дающие покоя мысли, поиски ответа на вопрос: жизнь по всей земле – особенно на той земле, которая называется Россией, – какая она?

На Сахалине он – в одиночку! – совершил колоссальный труд.

«Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно <...> Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.»

И не менее колоссальным трудом явилась книга «Остров Сахалин», над которой Чехов работал по возвращении.

Написанная в свободной манере, с привлечением множества источников, с многочисленными ссылками и цитатами из научных трудов, книга вызывает восхищение. В ней есть всё: история, география, климат, приметы жизни в с е х ост-

ровитян, их миграция, их права и обязанности, их нравы, быт и ведение островного хозяйства, состояние медицинской помощи, система управления весьма удалённого от столиц региона с её представителями, среди которых, наряду с незадумывающимися служаками, есть люди мыслящие, образованные... (здесь остановлюсь, ибо устал от одного перечисления).

Книга эта суровая, написанная кровью сердца человека неравнодушного к страданиям людей, по тем или иным причинам сорванных с родной земли, оторванных от веками налаженного уклада жизни. Сформировавшаяся к тому времени политика царского правительства по колонизации острова наряду с разумными мерами не была лишена многих несуразиц, которые были неизбежны из-за дальности от метрополии, оторванности от материка. На всё это было обращено пристальное внимание писателя.

Множество эмоций охватывают душу при чтении глубокого, серьёзного исследования. В одном месте при чтении в памяти моей возникла аналогия с методами, применявшимися при колонизации, когда из европейских стран в края заморские, открытые и осваиваемые мужчинами, привозили множество женщин, чтоб не останавливалась жизнь, чтоб женщины рожали и прирастало население. Так в своё время заселялись, например, Австралия, Канада да и Соединённые Штаты, собственно, возникли так же.

О том, как решалась подобная проблема на Сахалине, Че-

хов пишет:

«В Корсаковском посту вновь прибывших женщин тоже (как и в других портах Сахалина – Б.С.) помещают в особый барак. Начальник округа и смотритель поселений вместе решают, кто из поселенцев и крестьян достоин получить бабу. Преимущество даётся уже устроившимся, домовитым и хорошего поведения. Этим немногим избранникам посылается приказ, чтобы они в такой-то день и час приходили в пост, в тюрьму, за получением женщин. И вот в назначенный день по всему длинному тракту от Найбучи до поста там и сям встречаются идущие к югу, как их здесь не без иронии величают, женихи или молодые. Вид у них какой-то особенный, в самом деле жениховский; один нарядился в красную кумачовую рубаху, другой в какой-то необыкновенной плантаторской шляпе, третий в новых блестящих сапогах с высокими каблуками, купленных неизвестно где и при каких обстоятельствах. Когда все они приходят в пост, их впускают в женский барак и оставляют тут вместе с женщинами. В первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущению и чувству неловкости; женихи бродят около нар и молча и сурово поглядывают на женщин, те сидят потупившись. Каждый выбирает; без кислых гримас, без усмешек, а совершенно серьёзно, относясь “по-человечеству” и к некрасоте, и к старости, и к арестанскому виду; он присматривается и хочет угадать по лицам: какая из них хорошая хозяйка? Вот какая-нибудь молодая или пожилая “показалась” ему; он са-

дится рядом и заводит с нею душевный разговор. Она спрашивает, есть ли у него самовар, чем крыта у него изба, тёсом или соломой. Он отвечает на это, что у него есть самовар, лошадь, тёлка по второму году и изба крыта тёсом. Только уж после хозяйственного экзамена, когда оба чувствуют, что дело кончено, она решается задать вопрос:

– А обижать вы меня не будете?

Разговор кончается. Женщина приписывается к поселенцу такомуто, в селение такое-то – и гражданский брак совершён. Поселенец отправляется со своею сожительницей к себе домой и для финала, чтобы не ударить лицом в грязь, нанимает подводу, часто на последние деньги. Дома сожительница первым делом ставит самовар, и соседи, глядя на дым, с завистью толкуют, что у такого-то есть уже баба.

Каторжных работ для женщин на острове нет. <...>

Когда их везут на остров, то думают не о наказании или исправлении, а только об их способности рожать детей и вести сельское хозяйство.»

Как же, однако, по всей земле бывают похожи дела твои, Господи!

26.07

Между прочим, при чтении книги неожиданно произошла со мной довольно забавная история.

Есть такая народность – *айны* (по-другому: *айну* или *айно*), жившие когда-то на Сахалине, Курильских островах, на японском Хоккайдо и к настоящему времени почти ис-

чезнувшие (если не ошибаюсь, сегодня их наберётся всего несколько десятков человек). Откуда они взялись? С кем состояли в родстве во тьме времён?

Тут много вопросов, на которые и по сей день нет ответа. Вот что написано о них у Чехова.

«Почти все, писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный (*тут, скорее всего, в переводе с французского* – толковый, умный – **Б. С.**). Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов. Крузенштерн пришёл от них в совершенный восторг; перечислив их прекрасные душевные качества, он заключает: “Такие подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувство, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые донныне мне известны.” А Рудановский пишет: “Более мирного и скромного населения, какое мы встретили в южной части Сахалина, быть не может”».

Айны с острова Хоккайдо (Япония)

Это – о характере, о внешности же их – тех, которых Чехов встречал на Сахалине, – он пишет следующее: «черты лица крупны, грубоваты, но в них, по выражению моряка В. Римского-Корсакова, нет ни монгольской приплюсности, ни китайского узкоглазия. Находят, что бородатые айно очень похожи на русских мужиков.»

Прочитав это, я просмотрел кое-какие сохранившиеся

фотографии айнов и, глядя на одну из них, просто обомлел – мой дед по отцовской линии мог вполне сойти за родного брата мужика из айнов, изображённого на этом снимке!

Айны... Уж не прапрапредки ли они славянских племён, сохранившиеся в первобытном состоянии лишь на тихоокеанской окраине евроазиатского материка?

28.07

В советские времена поощрялось наставничество для начинающих писателей, приветствовалось творчество, несущее в себе нечто доброе, поднимающее человека над скукой обыденного существования, то есть, говоря другими словами, одобрялось стремление внушить ему простую истину, что не может он и не должен быть скотиной.

Приметы нашего теперешнего времени прямо противоположны.

Что теперь оказывается чуть ли не главным для писателя? А вот что (как для дитяти, ещё не вошедшего в разум): раньше писать кой-чего было н е л ь з я , а теперь – м о ж н о . Ко всему прочему это нынче стало ещё и *модно*...

Как однажды призналась одна одиозная представительница прекрасной половины, схватившая в руки перо и принявшаяся искать темы и сюжеты (и признавалась без всякого стеснения, даже с какой-то странной гордостью, на страницах газеты (!), потому что знает, что за такое нынче даже похвалят): мол, собираю я подружек и говорю им: «А ну, девки, валяйте – выкладывайте, какие когда самые что ни на есть

мерзости вы сотворили в вашей жизни!»

Вот такой, с позволения сказать, «творческой» личности, оказывается, совершенно ясно, *о чём надо писать*, чтоб схлопотать премию от замечательных (ах, как хочется надеяться, что замечательных лишь для узкого круга) каких-нибудь «нацбестов».

Она, эта личность, и пишет... Главные персонажи её очередного опуса... шизики со всеми «прелестями» их ненормальной жизни. Ну а в качестве приправы к их ползучему существованию сойдёт и чья-нибудь пьющая мама плюс экстравагантное свидание старой девы с пожилым мужиком, плюс прожорливая бывшая училка, помешавшаяся на своих похождениях в молодости... И прочая лабуда. Кстати спросить: не девки ли «писательнице» наврали?

Как в мешок для мусора собрать можно всякую падаль.

Только попробуйте мягко – как сплошь это делают почему-то современные обозреватели-критики – упрекнуть подобную борзописицу в передёргивании, в сознательном искажении сущего, в результате чего получается примитивная ложь – тут же и получите от её защитников – совершенно в духе религиозной секты: «Автор видит именно так.»

Видит именно так? Но не значит ли это, что от косоглазия надо лечиться?

Куда там! Ещё и кино такое снимать разбегутся.

Вот и выходит, что сто лет назад упомянутые Чеховым «жабы и крокодилы» не только существуют, но и прекрасно

себя чувствуют, ибо не видно что-то серьёзного им противостояния. Они почему-то неприкасаемы.

10.08

Должно быть, существует некий закон, по которому неоднократное повторение чего бы то ни было неизбежно приводит к снижению качества однажды задуманного и с успехом воплощённого.

Речь идёт о так называемых ток-шоу.

В ходе дискуссии наступает такой момент, когда приходит некая инерция: всё уже сказано о вещах актуальных и обсуждать, кажется, больше нечего. Даже такие интересные передачи как «вечера» Соловьёва или «60 минут» начинают буксовать от повторов одного и того же и навязчивого присутствия лиц – нередко одиозных.

И ещё одна подробность – поистине печальная.

В этих передачах не раз повторяли (как это у нас раньше говорилось: *с законной гордостью*), что они (эти дискуссии) самые что ни на есть свободные, ничуть не препятствующие выражению любых мнений... А как же насчёт «прервёмся на рекламу»? Отчего же ей – зачастую хамской, тупой, неприличной, опускающей ниже плинтуса высокоумное говорение – никто не препятствует? Это разве свобода? Куда же она подевалась? И что же вместо неё, сладкой? А вместо неё позорная – поскольку ну никак её невозможно отменить – з а в и с и м о с т ь от того, что этим ТВ верховодит, то есть – от *золотого тельца*... Даже у Соловьёва, ловко наострившегося

шутками компенсировать унижение пресловутой рекламой.

13.08

Сегодня, благодаря прошлым разрушителям, состояние отечественного образования ужасно. Вот некоторые характерные черты нашей современности (по страницам прессы):

– Сегодняшним студентам – даже *гуманитарных!* – вузов литературные цитаты, которые прежде знал каждый советский школьник, которые вошли в народную речь как крылатые выражения и которые, добавлю от себя, у каждого составляли часть его духовного мира (например такие как: «а счастье было так возможно...», «дела давно минувших дней...», «глаголом жги сердца людей», «есть упоение в бою», «а он, мятежный, просит бури...», «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно» и т. д.) – теперь всё это им надо объяснять *как иностранцам*; поколение школьников 90-х и нулевых годов, как правило, не способно грамотно говорить и связно писать;

(на это обратила внимание Анна Яковлева, преподаватель, кандидат философских наук)

– Когда к нам на филфак (!) приходят вчерашние школьники, мы плачем. Они забыли, что такое подлежащее и сказуемое. Не знают, чем звук отличается от буквы. На первом курсе я объясняю будущим филологам (!) (*неизбежный вопрос: кто и зачем их принял в студенты МГУ?! – Б.С.*), чем прилагательное отличается от наречия;

(Наталья Николенкова, доцент филфака МГУ)

– Сегодня уже пришли в школу учителя, уверенные в том, что «вечор» в известной строке Пушкина «Вечор, ты помнишь, выюга злилась?» – это имя человека, к которому обращается поэт.

(Ирина Бубнова, доктор филологических наук, профессор)

Если подобные дела творятся в самой столице, то что же происходит в провинции? Поневоле вспомнишь, что в советское время – чему я сам был свидетель – в любом медвежьем углу огромной страны преподавание велось на надлежащем уровне и по одной и той же системе, сохранённой с дореволюционных времён. И оно давало превосходные результаты.

Выходит, страна наша нынче проходит *этапы иного пути*... Куда же?!

16.08

Почти не удивляясь самому себе, как-то так даже буднично *хомо сапиенс* быстро привыкает ко всякому своему творению. Невероятный потенциал его серого вещества нашёл своё выражение в умопомрачительных достижениях в научно-техническом творчестве.

Но если пристально взглянуть на дела исторические, порой можно прийти в изумление от фантастичности происходящего. И самыми невообразимыми происшествиями богат XX-й век.

Всевозможных покушений на правителей государств в истории хватало, но к мировым катастрофам они не приводи-

ли. Но вот вьюнош Гаврило Принцип – не могу удержаться от каламбура – *из принципа* стрелял в эрцгерцога Фердинанда, а Австро-Венгрия решила *из принципа* отмстить войной, в результате чего в мире разразилась невиданная, ужасная бойня с таким количеством жертв, о которых даже подумать не могли ни тот Гаврило (позже он не желал признать, что всё началось именно из-за его выстрела), ни имперские правители.

Во все времена преступников казнено было немало. Но вот в России казнили Александра Ульянова, покушавшегося на царя. И кто бы мог подумать, что младший брат его, провинциальный гимназистик, войдя в возраст, не только фактически займёт место венценосца, но и даст кое-кому ответственное поручение... уничтожить уже в с ю царскую семью.

Во время Второй мировой войны – когда непобедимая немецкая армия стояла уже в тридцати километрах от Москвы – Германия была на пике своего могущества. Немцы уже готовились праздновать победу да и сам фюрер, должно быть, в мыслях уже въезжал в Москву с такой помпой, как это он сделал в Париже. И внутренне ликовал, что э т о о н , вопреки давнему предупреждению Бисмарка («с русскими воевать немцам нельзя»), – что это как раз он победил их, этих русских... И не нашлось бы тогда ни одного сумасшедшего пророка, который смог бы предположить, что утконосый психопат (кстати сказать, вождь довольно странный для такой страны с великой культурой), перед которым дро-

жали великие мужи Европы, через считанные годы... покончит с собой уже от немощи повлиять на ход истории, а сама Германия распадётся на два враждебные друг другу государства, находящиеся под унижительным контролем разных победителей.

Вот и жизнь лишь одного моего поколения поистине наполнена такими чудесами, которые мы и чудесами-то теперь не считаем, но когда-то они никому бы и во сне не приснились.

Году в пятидесятом советский школьник, знакомясь на уроке с выкладками Циолковского, естественно воспринимал их как мечту, которая – ещё неизвестно – будет ли вообще достижима. А через короткий срок – по существу вполне ничтожный: какой-нибудь там десяток лет – он сам... отправился в космос, бросив с улыбкой: «Поехали!»

Или случай, казалось бы, простой, но не менее фантастический.

Если бы в семидесятые годы малозаметному, скромному студенту юридического факультета университета кто-то сказал, что город, в котором он живёт, снова станет Петербургом, а ему самому (то есть студенту) уготовано оказаться не только даже главой отечества, но ещё и к тому же обрести чуждый титул, то есть назваться президентом... он счёл бы это какой-то издевательской шуткой.

Не слишком задумываясь, не сознавая этого, поистине живём все мы в каком-то фантастическом мире...

В нашем мире, донельзя переполненном разными восхитительными отвлекающе-развлекающими человека электронными игрушками, многие люди, как это ни печально, лишены совсем простого – но замечательного – удовольствия, лишены такой отрады: подойти к стеллажу, прихватить с полки одну из великих книг, упасть в кресло, раскрыть... Даже наугад – любую страницу!

Так, с возрастом, перечитываешь – и всегда открываешь для себя что-то новое, на что раньше, при прежнем чтении, не обратил должного внимания. Порой это какая-нибудь мелочь, порой кое-что посерьёзнее.

Вот некоторые из моих наблюдений.

На страницах «Евгения Онегина» нечаянно обнаружишь, что те – потрясающе написанные – картины природы, которые тебе известны с детства, впервые, оказывается, появились именно здесь: в романе в стихах.

В лермонтовском «Герое нашего времени» тебе откроется то, что раньше ускользнуло от внимания: Печорин язвительно посмеивается над астрологией.

В повести «Казачьи» Льва Толстого молодой офицер, будучи на охоте, во время паузы был охвачен восторгом от всего, что его окружает: лесная чаща, в которой бездна зверей и птиц; солнце, стоящее над лесом; пахучий, жаркий воздух; следы оленя на влажной земле и даже... комары, о которых он подумал так: «каждый из них такой же особенный от всех».

Дмитрий Оленин, как и я сам».

В «Анне Карениной» вдруг бросится в глаза отдельная, самостоятельная линия жизни и судьбы Левина (альтерэго Льва Толстого) – и тема эта в романе, оказывается, отнюдь не второстепенна и ей посвящён внушительный объём текста. (Это обстоятельство, похоже, ускользало от исследователей, особенно от режиссёров экранизаций.)

21.08

Надо сказать, что История как таковая сама по себе довольно сухая наука, ибо в калейдоскопе мелькающих дат, событий, деяний исторических лиц часто вуалируется пульс трепетной, живой жизни, возродить которую под силу лишь подлинному художнику слова.

Вот уже вековой срок на исходе с той поры, когда на многострадальной земле – между холодной Балтикой и тёплым Чёрным морем – всё зашаталось: случилось, словно во времена Аттилы, столпотворение народов (в степях причерноморья творилось невообразимое толковище, в коем сошлись, кроме русских и украинцев, немцы, поляки, чехи, венгры, черкесы, калмыки и даже... китайцы), мир раскололся, разливанным морем гуляла братоубийственная ненависть, война шла всех со всеми – не разбирая ни пола, ни возраста, обильную жатву собирала старуха с косой.

Это было время, когда сидел в Киеве гетман Скоропадский, веривший в самостийность, которую обещали немцы, на деле лишь сумевшие спасти его от Петлюры; когда гуляли

по Украине батька Махно и прочие атаманы.

Об этом времени остались яркие свидетельства людей творческих – им, выжившим и сердцем пережившим ужасное лихолетье, было назначено, предопределено осмыслить и сохранить память сердца. И положить её на бумагу.

«Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918...» – написал Булгаков в своём романе «Белая гвардия».

Подробно, по горячим следам, рисовал картину всенародного бедствия Артём Весёлый в книге – фактически документальной – «Россия, кровью умытая».

«Тяжёлые немцы ввалились в хлебную Украину и, разметаая дорогу огнём и штыками, двинулись на восток. Многочисленные партизанские отряды не могли устоять против железной силы пришельцев и орущим потопом хлынули на Дон, через Дон на Волгу и Кубань...

Немцы заняли Ростов, из Крыма переправились на Тамань и с этих подступов грозили задавить весь благодатный юго-восточный край.

Немцы наседали по всему фронту. На Тамани они высадились со своими сельскохозяйственными машинами, и пошла работа – косили недозревший хлеб, прессовали и увозили всё: муку, зерно, солому, полосу; на Дону гребли пшеницу, мясо, шерсть, масло, уголь, нефть, бензин, железный лом и всё, что попадалось под руку.»

Автор пишет, как один лихой молодец Иван Черноярв и

дружок его Шалим «попали в банду атамана Дурносвиста. В огне и крови прошли всю Уманьщину. Однако Дурносвист вскоре был уличён в чёрной корысти и повешен своими же отрядниками. Выбранный ему на смену Сысой Букретов в первом бою испустил дух на пике сичевика. Чернойоров принял командование над бандой и повёл её по древним шляхам Украины. Под Знаменкой дрались с гайдамаками, под Фастовом – с Петлюрой, под Киевом – с немцами и большевиками. <...> При самых пустяковых неудачах банда разлеталась, как дым на ветру, и Иван с Шалимом скакали по степи, окружённые двумя-тремя десятками самых преданных. Поворот счастья, и шайка быстро возростала до нескольких сотен. Боевая, волчья жизнь вырабатывала свои права, которые не укладывались ни в какой писанный устав: смертью карался лишь трус и барахольщик, не желающий делиться добытым с товарищем, всё остальное было ненаказуемо...»

Тут самое время вспомнить о делах, творившихся по соседству – на Дону.

Благостный, привольный край донских степей не мог не родить своего бытописателя, судьбой брошенного пережить время смуты – Михаила Шолохова. Такие человеки не рождаются случайно.

Автор грандиозного полотна «Тихий дон» – подлинный летописец, собравший и воскресивший десятки имён, обликов, характеров, судеб; сотворивший роскошное полотно народных обычаев, нравов, речений; подаривший феноменаль-

ные картины русской природы. Всё это, кстати, требует написания солидного тома – исследования, которого, если не ошибаюсь, не существует по сей день.

В колоссальной эпопее Шолохова собраны такие чувствования и человеческие отношения (например, чего стоит по филигранности, тонкости и точности всего одна сцена самой первой встречи во время отпуска офицера-добровольца Листницкого с женой своего фронтового друга – поражаешься, как простой казак, мужик другими словами, по существу *неинтеллигент* мог написать такое), явлены такие картины жизни, страданий, ранений и смертей, что никаким «докторам живагам» и не снились. Кроме прочих достоинств романа, в нём очень сильна фактологическая основа (чувствуется, что автор был знаком не только с множеством документов того времени, но и прочёл немало мемуаров лиц исторических). С первых страниц повествование забирает читателя во власть подлинностью, достоверностью событий и лиц, в них действующих (от генералов Корнилова и Краснова до атамана Каледина и большевика Подтёлкова). Ошеломляет присутствие многих и многих имён, роскошное разнообразие характеров и внешности персонажей.

Поражает поведение российской интеллигенции (которая, как известно, была не только штатской, но и армейской) – из той самой среды, которая до войны бредила революцией. Вот как автор пишет о состоянии Добровольческой армии:

«Все наиболее мужественные гибли в боях, от тифа, от ран, а остальные, растерявшие за годы революции и честь и совесть, по-шакальи прятались в тылах, грязной накипью, навозом плавали на поверхности бурных дней. Это были ещё те нетронутые, залежалые кадры офицерства, которые некогда громил, обличал, стыдил Чернецов, призывая к защите России. В большинстве они являли собой самую пакостную разновидность так называемой “мыслящей интеллигенции”, облачённой в военный мундир: от большевиков бежали, к белым не пристали, понемножку жили, спорили о судьбах России...

Для них было всё равно, кто бы ни правил страной, – Краснов ли, немцы ли, или большевики, – лишь бы конец.

А события грохотали изо дня в день. В Сибири – чехословацкий мятеж, на Украине – Махно, возмужало заговоривший с немцами на наречии орудий и пулемётов.»

И сама природа в романе – неотъемлемая часть всего, что происходит с людьми. Ей даны права чуть ли не главного действующего персонажа, никак не меньше, и нередко главы романа открываются картинами природы – это она владеет всем, что развёртывается дальше. Картины её живописны, щедры и каждый раз неповторимы – несомненный почерк мастера. Кажется, из одних посвящённых ей цитат можно было бы составить целый сборник. Трудно удержаться от того, чтобы хоть некоторые из них привести здесь. Цитаты собраны из разных мест романа. Похоже, бóльшая часть ав-

торского внимания сосредоточена на той долгожданной поро, которая трогает сердце каждого казака-хлебороба, скупающего по ней в долгие зимы. Имя той поры – весна.

«На четвёртой неделе поста сдала зима. На Дону бахромой легли окраинцы, ноздревато припух, поседел подтаявший сверху лёд. Вечерами глухо гудела гора, по стариковским приметам – к морозу, а на самом деле – вплотную подходила оттепель. По утрам лёгкие ледозвонили заморозки, а к полудню земля отходила и пахло мартом, примороженной корой вишнёвых деревьев, прелой соломой.»

«Ласковым телком притулялось к оттаявшему бугру рыжее потеплевшее солнце, и земля набухала, на меловых мысах, залысинами стекавших с обдонского бугра, малахитом зеленела ранняя трава.»

«Снег падал и таял на лету. В полдень в ярах с глухим шумом рушились снежные оползни. За Доном шумел лес. Стволы дубов оттаяли, почернели. С ветвей срывались капли, пронзали снег до самой земли, пригревшейся под гниющим покровом листа-падалицы. Уже манило пьяным ростепельным запахом весны, в садах пахло вишенником. На Дону появились прососы. Возле берегов лёд отошёл, и проруби затопило зелёной и ясной водой окраинцев.»

«С юга двое суток дул тёплый ветер. Сошёл последний снег на полях. Отгремели пенистые вешние ручьи, отыграли степные лога и речки. На заре третьего дня ветер утих, и пали над степью густые туманы, засеребрились влагой кусты про-

шлогоднего ковыля, потонули в непроглядной белёсой дымке курганы, буераки, станицы, шпили колоколен, устремлённые ввысь вершины пирамидальных тополей. Стала над широкой донской степью голубая весна.»

А за весной – там уж и лето.

«Темны июньские ночи на Дону. На аспидно-чёрном небе в томительном безмолвии вспыхивают золотые зарницы, падают звёзды, отражаясь в текучей быстрине Дона. Со степи сухой и тёплый ветер несёт к жилью медвяные запахи цветущего чебреца, а в займище пресно пахнет влажной травой, илом, сыростью, неумолчно кричат коростели, и прибрежный лес, как в сказке, весь покрыт серебристой парчою тумана.»

«На западе густели тучи. Темнело. Где-то далеко-далеко, в полосе Обдонья, вилась молния, крылом недобитой птицы трепыхалась оранжевая зарница. В той стороне блёкло светилось зарево, принакрытое чёрной полою тучи. Степь, как чаша, до краёв налитая тишиной, таила в складках балок грустные отсветы дня. Чем-то напоминал этот вечер осеннюю пору. Даже травы, ещё не давшие цвета, излучали непередаваемый запах тлена.»

А вот картина, до слёз знакомая.

«Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога позанесло снегом. Падины и яры сровняло. Нет ни дорог, ни тропок. Кругом, наперекрёст, прилизанная ветрами, белая голая равнина. Будто мертва степь.»

Изредка пролетит в тишине ворон, древний, как эта степь, как курган над летником в снежной шапке с бобровой княжеской опушкой чернобыла. Пролетит ворон, со свистом разрубая крыльями воздух, роняя горловой стонущий клёкот. Ветром далеко пронесёт его крик, и долго и грустно будет звучать он над степью, как ночью в тишине нечаянно тронутая басовая струна.

Но под снегом всё же живёт степь. Там, где, как замёрзшие волны, бугрится серебряная от снега пахота, где мёртвой зыбью лежит заборонованная с осени земля, – там, вцепившись в почву жадными живучими корнями, лежит поваленное морозом озимое жито. Шелковисто-зелёное, всё в слезинках застывшей росы, оно зябко жмётся к хрушкому чернозёму, кормится его живительной чёрной кровью и ждёт весны, солнца, чтобы встать, ломая стаявший паутинно-тонкий алмазный наст, чтобы буйно зазеленеть в мае. И оно встанет, выждав время! Будут биться в нём перепела, будет звенеть над ним апрельский жаворонок. И так же будет светить ему солнце, и тот же будет баюкать его ветер. До поры, пока вызревший, полнозёрный колос, мятый ливнями и лютыми ветрами, не поникнет усатой головой, не ляжет под косой хозяина и покорно уронит на току литые, тяжеловесные зёрна.»

Боже мой! Какой мощный образ неуничтожимой, вечно возрождающейся жизни!

Что же главное в этом грандиозном шолоховском полотне?

А оно вот в чём: в том, как русские люди, разделённые прилетевшей откуда-то чужеродной идеей, расколовшиеся на два враждебных лагеря, в кровь измордовали друг друга.

И какие в романе батальные сцены! Перед ними сам знавший толк в войне Лев Толстой, если бы дожил, снял бы шляпу...

В чём сила автора «Тихого Дона» ?

Он писал правду о гражданской смуте. А честная правда подкупала даже таких непростых читателей как Иосиф Сталин (то же, кстати, случилось и с «Днями Турбиных» Булгакова).

Нельзя забывать и о красоте и ёмкости языка, многое из которого, увы, современному читателю понять не под силу.

Вот, например, всего-навсего в одном слове заключены подробности целого процесса, тут же рождающегося в голове знающего читателя. Что такое *амуниция*? Наверняка все знают, сколько в той амуниции предметов и для чего они. И вот, пожалуйста: *обамуниченные* – только на русском языке возможно такое роскошество! – лошади... то есть нерассёдланные и готовые в любой момент к походу кони.

Или, скажем, как по-другому, короче, выразить смысл сочетания слов: «стал напоминать, сделался *похожим*»? У Шолохова: «Хутор *запохожился* на потревоженный пчельник.»

А уж мне – можно сказать, земляку, знакомому с мест-

ной речью – читать и перечитывать Шолохова – чистое наслаждение.

Сама судьба писателя стоит особняком.

Не снизошло с небес его умение заглянуть в самое нутро братаказака, проникнуться его чаяниями, помыслами. Не зря всю жизнь сопровождало его стойкое нежелание обитать, как другие, припеваючи в столицах – напротив: в нём сидело неискоренимое стремление оставаться со своим народом, жить его радостями и бедами. Уж этого некоторые его собратья по перу, внутренне чувствуя его правоту и самим себе в том не признаваясь, – именно этого простить ему не могли. Он сам со своей станицей был для них живым укором.

И Нобеля он получил не из каких-нибудь политических соображений, что, к прискорбию, бывало неоднократно, но как раз вопреки таковым, а также прочим всевозможным клеветам, – получил за подлинные достоинства своего эпохального труда, ставшего не только славной частью мировой литературы, но и, можно сказать, самой истории.

И, как ни печально это звучит, может быть это последний яркий пример честного труда, который невозможен теперь – в эпоху повального ёрничества, доходящего до бесстыдства, до непотребства, до открытой лжи, то есть попросту беспутства, захлестнувшего пространство и литературы, и истории.

26.08

Вот чудеса...

Порой нечаянный случай заставляет обнаружить в родном

языке не только нечто такое, на что раньше не обращал внимания, но и помогает обогатиться новым знанием.

Попалась мне на глаза заметка весьма уважаемого мной Гвейна Гамильтона, англичанина, одно время преподававшего английский в Москве. Родной свой язык он знает прекрасно, а русский освоил превосходно, что позволяет ему писать на нём весёлые наставления в том, как русскому человеку познать тонкости английского. И справляется он с этим даже весьма неплохо.

Но вот прочитал я у него такое: «Как бы ни был велик русский язык, кажется мне, что можно бы один-единственный недостаток загладить – отсутствие артиклей. Это достаточно существенный недостаток, поскольку он мешает вообще что-нибудь понять.» Добавив, что артикли были бы полезны для русского языка, он продолжил: «Начнём с великого Карамзина: *“Кладу перст на уста, изумляюся и плачу...”* Здорово и очень красиво звучит по-русски! Поэтому и люблю русский, что так пишется красиво! Увы, непонятно и неопределённо, ведь здесь два существительных и ни перед одним из них нету артикля! Как же понять – какой перст-то!? И на какие уста!?»

Удивился я удивлению Гамильтона, ибо непонятно может быть лишь владельцу тех языков, в которых существуют артикли. Русскому же человеку здесь всё предельно ясно – причём даже без подлежащего, без которого английский язык и шагу ступить не может! «Кладу...», сказанное в первом

лице (как и другие два глагола), уже говорит о том, чей тут «перст» и чьи «уста», ибо, например, каких-то ещё других уст у человека нет. Как нет и никакой нужды в данном случае – не могу удержаться, досточтимый сэр, от грубой определённости – разжевывать всё это какому-нибудь идиоту с помощью ненужных дополнений. Тут не понадобятся даже притяжательные местоимения «свой» и «свои» – они просто будут лишними.

Так что отсутствие лишних служебных добавок есть как раз достоинство. Без этакого, я бы сказал, бюрократически-назойливого употребления артиклей, от которых и в английском, и во французском, и в немецком текстах рябит в глазах, русский язык и экономнее, и красивее, и мудрее, поскольку все определённости-неопределённости ловко *прячутся в контексте*, но при всём том достигается полная ясность, *что где лежит и что кому принадлежит*. Да и вообще в нём меньше регламента и больше свободы. И если уж на то пошло – во всём этом побольше интеллекта!

27.08

По сей день не разрешился спор о подлинном авторе слишком нынче часто цитируемого – в чём соревнуются отечественные литераторы и политики – стихотворения о «немьтой России». Между тем хоть один-единственный экземпляр его, написанный рукой Лермонтова, отсутствует, так и не найден. Писал ли стих талантливый версификатор из когорты ненавистников империи, ловко подделавшись под

манеру Лермонтова, чтобы воспользоваться авторитетом известного поэта, или сам поэт в минуту горькую дал волю своему раздражению – бог весть. Но когда читаешь его стихотворение «Родина», склоняешься к первой версии, поскольку очевидно, что однокоренные слова *родина* и *народ* заключают в себе понятия близкие, которые в равной степени дороги поэту.

И те личности, берущие в союзники Лермонтова, преследуют всего лишь свои неблагоприятные цели, считая Россию варварской, некультурной.

Ну а насчёт «немытой» в прямом смысле приходят в голову забавные сопоставления.

Родился и вырос я в русской деревне и хорошо знаю то, что будет ниже изложено.

Когда мне впервые довелось увидеть в каком-то фильме (кажется, французском), как весьма культурный человек, европейский аристократ после мытья выбирается из ванной и тут же заворачивается в простыню в знак окончания процедуры... первое, что я, крестьянский потомок, ощутил, – было недоумение: зачем же, выйдя из той воды, в которой осталось не только мыло, но и смытая с тела грязь, остатки всего этого теперь вытирать чистыми простынёй или полотенцем?! И ведь показанное было не просто киношным трюком, но был продемонстрирован старый о б ы ч а й , связанный, может быть, ещё и с недостатком воды.

А мне-то, с младых моих ногтей, хорошо известно, как

русские крестьяне моются в бане и в тех семьях, где её нет, поступают проще: моются в обыкновенном корыте, но при окончании, перед тем как из него выйти, непременно с головы до пят окатываются чистой водой.

Вот уж нет – даже образно Россию, в которой и речной, и колодезной воды всегда хватало, «немытой» никак не назовёшь. И Лермонтову это тоже было известно.

29.08

Это какой-то немислимый парадокс: для многих – не только для отечественных завзятых либералов, но и для вполне здравомыслящих, считающих себя консерваторами, людей – существуют непреодолимые табу: даже сами по себе одни слова *цензура*, *контроль* вызывают у них что-то вроде чесотки, действуют на них, как на быка красная тряпка, и малейший намёк на какое-нибудь ограничение вседозволенности заставлет их чуть ли не на крик переходить: «Да вы что?! Никогда! Ни в коем случае!» Чем же они так обеспокоены, отчего так вопят? Объяснение простое: цензуры нет – значит есть право, оставаясь бездарью, вытворять всё, что тебе вздумается. Они неизменно за свободу самовыражения. Но, скажем, заткнуть рот какому-нибудь распоясавшемуся растлителю, топчущему самые основы морали, на которых ещё пока держится наш мир, – это ведь тоже свобода самовыражения, направленная как раз на защиту основ, против их разрушения. Но отчего-то как раз *эту свободу* либералы подвергают остракизму, то есть, другими словами, фактиче-

ски применяют в этом случае эту самую цензуру наоборот?

1.09

Это же надо было такому случиться: мучительные мысли мои о современном состоянии нашей культуры, о цензуре и прочем будто телепатически передались... Соловьёву, устроившему довольно актуальный «поединок» между известными фигурами – Третьяковым и Райхельгаузом (в чём то сильно напоминающим небезызвестного барона Мюнхгаузена). Передались и зазвучали в ходе дебатов.

Диалог был несколько сумбурный. У меня сложилось впечатление, что в нём, быть может, было бы необходимее присутствие Кургиняна, аргументы которого в споре, думаю, выглядели бы более основательными. А с другой стороны, секунданты Мюнх... , прошу прощения, Райхельгаузена, из всех сил пыжились, наворачивая горы пустых словес, уводящих в сторону от существа дела.

Но в финале Третьяков привёл образное сравнение, предложенное кем-то из его секундантов, – шутку просто убийственную: мол, удивительный, замечательный «художник», пригвоздивший *свою* несчастную и, кажется, ни в чём не повинную мошонку к брусчатке Красной площади был последовательнее: для своего этого самого перформанса гвоздь и молоток он приобрёл на свои деньги... тогда как серебрянниковы и иже с ними *не свою, а государственную* «мошонку» прибывают за государственные же денежки... И изображают из себя жертв – невинных, неприкасаемых!

А вот событие замечательное, греющее душу – но как, однако, грустно наткнуться на нечто, совсем тобой не ожидаемое...

По телевидению новость: с открытием учебного года Путин выступил перед школьниками. В свободной манере произнёс речь потрясающую по мысли, по содержанию, по историческим параллелям – речь совершенно непредставимую для кого-нибудь из прежних наших лидеров. После были некоторые отзывы ребят с горящими глазами – отзывы замечательные. Но...

Когда показали крупные планы со множеством юных лиц, я не увидел в глазах у них – и это при обсуждении такой, казалось бы, близкой для них темы! – ни малейшей искры заинтересованности, в глазах у них другое: похоже, всего того, что слышат, они просто не воспринимают – они отсутствуют, *их нет* по причине целого вороха проблем современного бытия...

2.09

Существует такая довольно странная порода людей, которых снедает жажда известности – ненасытное стремление во что бы то ни стало быть на виду. Любой ценой: скандалы, сенсации – их любимые приёмы. Подобного сорта тип способен и на предательство, такой при случае не просто не моргнув глазом солжёт, но вымудрит ложь самую что ни есть фантастическую (например: Гагарин в космос не летал, всё это придумали). По существу это в чистом виде мошенники,

которых, кстати, наш телящик очень любит.

И хуже всего видеть, как не лишённые способностей проходимцы в погоне за известностью и деньгами (даже трудно определить *что* у них на первом месте) – вроде акуниных – перекраивают на свой убогий лад отечественную историю.

Сотворённые псевдоисториками мифы навязчиво тиражируются – как любезную сердцу мантру повторяют они свои выдумки:

– в начале Великой Отечественной войны советские солдаты воевать не хотели и массово сдавались в плен (*случаи такие были, но всего лишь отдельные – Б.С.*);

– войну выиграть смогли, лишь завалив немцев трупами своих солдат (*из этого выводятся немыслимые цифры потерь – Б.С.*).

Насколько это далеко от истины, можно вполне убедиться на простом свидетельстве из вражеского стана: из записок немецкого офицера танковой группы армий «Центр» (командующий генерал-полковник Гудериан). Дневник этого офицера был подобран в брошенном автомобиле при наступлении Красной армии (хранится в Министерстве обороны России).

Итак, поглядим, как наши «сдавались в плен» в самые первые дни внезапного, вероломного нападения, когда наши части были к этому совершенно не готовы. Из своеобразных дневниковых записок офицера на **четвёртый** день войны:

schonlicher Feuerschick ist schon gefallen.
Wir liegen von der Paltschen nach Norden ab.
Wie wir jetzt zu Abend schlafen müssen ist
unvorstellbar. Man nach wenigen Stunden ist
alles mit einer solchen ungeheuren Schwere belegt.
In der Dunkelheit berichten wir in Gegenwart Punkt 103
niedlich festlicher Fühlungsstellung.

16. Juni 1944

Im frühen Morgen geht es durch Schnee einige Kilometer
von der Paltschen nach Norden ab. In der Höhe
und Berggipfeln werden wir mit Schnee mit h. g. bed.
benannt. Nicht so in der Umgebung. Im Tal zu bekommen
sind die ganze Umgebung abgesehen. In den Berggipfeln
bleiben die Felsen. Sie sind nicht so hoch sind keine
Korallen geschicht sind alles umgeligt. Auch Felsen?
beginnen wir mit Schlafen oder den besten Ausweichungsgegen-
ständen an. Es ist eine Sache, dass es für diese
Punktort nicht genügend Punkte zum Aufhängen
haben. - Nach der Mitternacht erhalten wir unseren Befehl
im Morgen, es liegen und lag liegen geht es nach
Osten. Eine ständige Gefahr ist eine nicht so
wolle. Keine Felsen, einen kleinen aber dann
wie keine Welt. Man sind nicht liegen den Felsen, und
andere h. g. an Lage. In diesen Wäldern aber nicht

26.VI.1941 г.

«Из кустов и ржаных полей мы были обстреляны из винтовок и пулемётов. Затем начали стрелять со всех сторон.»

Возможно встретилась немцам солдаты отдельной части, которую, как пишет автор, окружили и долго с ними не возились. И вот что он написал ещё:

«Гражданских мы также бьём всеми видами оружия, находящимися на вооружении германской армии. Жаль только, что не хватает верёвок, чтобы вешать этих коварных.»

Этот циничный пассаж с оттенком чёрного юмора, буднично оставленный в дневнике, говорит о вполне привычном явлении и развенчивает либеральный миф о том, что немецкая армия прилично вела себя в первые месяцы войны – тогда как она уже с самого начала отличилась зверствами против мирного населения. Ещё не так давно её солдаты на смотрях в одном порыве орали «Хайль!» своему великому вождю, а теперь они пришли в страну варваров, с которыми церемониться не следует – лучше всего, если их вообще останется не слишком много.

Доблестный германский вояка весело отметил, кого они вешали и уничтожали «всеми видами оружия», а подлые наши либералыпсевдоисторики причисляют убитых и повешенных мирных жителей к воинским потерям – так они совесть свою «закидали трупами» своих соотечественников.

Такой «подарок» преподносят они своей стране, своему народу – настрадавшемуся, пережившему ужасное лихолетье.

Вот и мне за какие-то грехи преподнесен гнусный сюрприз. Уже не один год, к несчастью, в интернетских рекламах – из-за совпадения имени и фамилии – авторство моих книг относят к моему однофамильцу, если не ошибаюсь, достигшему известности и накропавшему уже множество томов на выигрышные – можно сказать, «жареные» – темы. Попытки мои помешать безобразию путаницы оказались напрасными.

Довелось мне кое-что узнать об этом типе из заметки Владимира Литвиненко в «Литературной газете» (№32–33, 2017) – прочитать, что, как его аттестуют, доктор филологии (!) Борис Соколов написал очередную свою фальшивку на предмет наших потерь в Великой Отечественной войне.

«Цифру людских потерь, – пишет Литвиненко, – в 26,9 млн. чел. Соколов получил (вы не поверите!), умножив среднемесячные потери Красной армии погибшими (500 тыс. чел.) на число месяцев войны...». Далее излагаются подробности, как именно это делалось. *(У меня, грешным делом, тут зародилось подозрение: а не служил ли когда-то мой тёзка бухгалтером в фирме «Рога и копыта»? – Б.С.)*

Ещё цитата:

«Нова ли для автора приведенная в книге цифра потерь? Нет. Подсчитанную с помощью своей методики цифру 26,9 млн. чел. Соколов обнародовал... ещё в 1993 году *(ну разумеется, обурежала его тогда жажда произвести сенсацию –*

Б.С.), и вот уже 23 года упрямо стремится доказать её “правильность”.»

Далее автор заметки уличает Соколова в прямом подлоге и грубой фальсификации, которые уже «были разоблачены ещё чуть ли не 20 лет назад», и удивляется, почему теперь это снова опубликовано.

Наивный человек. Нынешним «докторам» всё – как с гуся вода. Нагло садятся не в свои сани, а погибших на войне исчисляют, как потери картошки на полях при сборе урожая. Да ещё сей скотский приём полагают, как уверен Соколов, «чисто научной задачей»! В этом новоявленный бухгалтер сильно напоминает пресловутого Суворова-Резуна. Но тот всё же сидит за бугром, а этот не стесняется гадить, сидя в столице России!

Очень жаль, что серьёзные историки брезгуют даже прикасаться к подобным гнусным измышлениям. А надо бы! Ибо безнаказанность рождает вакханалию беспардонных измышлений.

5.09

Это чисто русское – неповторимое, нигде в мире не наблюдавшееся – явление: уже к двадцатому веку популярность писателей в России приняла такие размеры, что очень многие образованные читатели возмечтали пополнить ряды мастеров пера. Всё это явилось одним из побудительных мотивов создания единственного в мире вуза – «Литературного института», послужившего этакой бомбой замедленного

действия, ибо в сущности он сделался фабрикой производства множества неплохо подкованных графоманов, подавляющее большинство которых так и осталось несчастными творцами макулатуры.

Нарушен был неписанный закон, что это самое писательство есть от Бога. Наиболее яркие подтверждения тому – судьбы несостоявшегося юриста Льва Толстого, не ставшего инженером Достоевского, получившего полное медицинское образование и даже практикующего врача Чехова.

7.09

Не устаю радоваться возможностям русского языка, наслаждаться его богатством, выразительностью, разнообразием оттенков смысла слов, порой с замечательной краткостью заключающих в себе глубину чувствований, мироощущения.

Владея им каждый божий день, мы, похоже, не ощущаем, каким поистине богатством располагаем.

Случается, казалось бы, совсем простая ситуация: задумаешься вдруг, перебирая слова, сравнивая их значения, скажем, с соответствующими им в одном из самых знаменитых мировых языков – французским... и открываешь для себя удивительные вещи.

О да, всё познаётся в сравнении.

Вот случайные, на выбор, примеры:

– на французский язык *слепой* и *незрячий* переводятся одним словом: *aveugle*; *открытый* и *незанептый* – *ouvert* и т.

п.; *никчёмный* и *никудышный* (о человеке) – тоже одинаково, но на этот раз целой кучей слов: *qui n'est bon a rien*;

– *ему неймётся* – перевести можно весьма приблизительно-но: *il est (reste) remuant*;

– *мне невозможно* – переводится либо как состояние недомогания: *je suis indisposé* (что, собственно, есть нездоровье), либо как плохое самочувствие (то-есть опять-таки нездоровье): *je me sens mal* (но по-русски в этом *невозможно* сокрыто ещё и состояние духа, то есть нет воли что-либо делать).

Ко всему прочему приведенные варианты французского неизменно демонстрируют утяжеление словесной конструкции – краткими их не назовёшь. И вот что когда-то сказал Мишель Монтень: «Итак, я нахожу наш язык достаточно обильным, но недостаточно послушливым и могучим.»

Язык – это наша жизнь, наша идентичность, особость, различающаяся, несхожая с другими народами. Что же он такое для всех нас?

Им, как воздухом, мы дышим. Утрата его равна катастрофе для целого народа. Лишившись основ его, наработанных веками, – пропадём: неузнаваемо исказятся черты нашей жизни, исчезнет всё то, к чему мы привыкли, с чем сжились, что составляет существо нашего духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.